A 206
910

206.
910

НИЖЕГОРОДСКІЙ ГУБЕРНАТОРЪ

Генералъ-Маіоръ

Николай Михайловичъ

БАРАНОВЪ.

МОСКВА

1892

НИЖЕГОРОДСКІЙ ГУБЕРНАТОРЪ,

Генералъ-Маіоръ,

Николай Михайловичъ

БАРАНОВЪ.

Біографическія свѣдѣнія и обзоръ его дѣятельности.

Въ приложеніи

исторія Нижегородской ярмарки.

Составилъ Л. А. Фейгинъ.

Москва.
Изданіе М. Н. Юровича.
1892.

Дозволено цензурою. Москва, Августъ, 1892 года.

Типо-Литографія Т-ва печатнаго дѣла Лашкевичъ, Знаменскій и К°. Чистые пруды, д. № 199.

2007098009

Николай Михайловичъ Барановъ.

(Нижегородскій губернаторъ).

Глубокоуважаемый всѣмъ населеніемъ управляемаго края, а также и ярмарочнымъ купечествомъ, Н. М. Барановъ, въ настоящее время имѣетъ 56 лѣтъ отъ роду.

Первоначальная служебная дѣятельность Н. М. принадлежала Морскому вѣдомству, гдѣ одно время онъ занималъ должность начальника Морскаго Музея. Къ тому же періоду его дѣятельности относится и изобрѣтеніе имъ военнаго ружья, заряжающагося съ казенной части. Во время послѣдней компаніи Н. М. Барановъ принялъ подъ свое командованіе пароходъ „Веста". (Подробности см. стран. 5). 11-го іюля 1877 года выдержалъ около Кюстенджи замѣчательный бой съ турецкимъ броненосцемъ.

За этотъ подвигъ Н. М. былъ произведенъ въ чинъ капитана 2-го ранга и награжденъ орденомъ Георгія 4-й ст. съ производствомъ въ званіе флигель-адъютанта.

Въ декабрѣ того же 1877 года, командуя пароходомъ „Россія", Н. М. взялъ близъ Пендеракліи турецкій пароходъ „Мерсину", за что былъ произведенъ въ чинъ капитана 1-го ранга. Послѣ войны Н. М. Барановъ покинулъ службу по Морскому вѣдомству и вскорѣ поступилъ въ составъ пѣшей полевой артиллеріи. Здѣсь онъ прослужилъ до начала 1881 года, когда онъ перешелъ въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ дѣлъ, занявъ постъ Ковенскаго губернатора. Въ этой должности Н. М. оставался весьма непродолжительное время, такъ какъ въ томъ же году былъ назначенъ Петер-

бургскимъ градоначальникомъ, а затѣмъ Архангельскимъ губернаторомъ. Начальникомъ Нижегородской губерніи Н. М. состоитъ съ 1882 года.

16-го августа ярмарочное купечество, во главѣ съ предсѣдателемъ и членами ярмарочнаго комитета, въ гербовомъ залѣ Главнаго дома благодарило его превосходительство г. Нижегородскаго губернатора, Н. М. Баранова, за труды во время холерной эпидеміи.

Его превосходительству поднесенъ адресъ слѣдующаго содержанія:

„Ваше Превосходительство, Николай Михайловичъ! Всероссійское купечество въ теченіи десятилѣтняго управленія Вами ярмаркою привыкло видѣть въ Васъ опытнаго администратора и энергичнаго охранителя ярмарочныхъ интересовъ, человѣка чуткаго и отзывчиваго на всякую нужду,—и особенно въ нынѣшнюю ярмарку, когда насъ посѣтило великое бѣдствіе, ощущалось то громадное благо, которымъ пользовалась и пользуется ярмарка, благодаря Вашему управленію. Въ началѣ ярмарки, когда эпидемія усиливалась, лица—какъ участвовавшія въ борьбѣ съ эпидеміей, такъ и пріѣхавшія по торговымъ дѣламъ, пережили не мало тяжелыхъ минутъ. Среди рабочихъ появилась паника, вслѣдствіе которой народъ сталъ было разбѣгаться съ ярмарки. Нѣкоторые торговцы, запирая магазины, увозили товары обратно. Врачебный персоналъ и лица, принимавшія участіе въ борьбѣ, находились въ тяжкомъ унынiи. Въ эти трудные часы Вы постоянно посѣщали ярмарку, санитарные пункты и госпитали, всюду ободряя работавшихъ, что давало имъ стойкость и энергію.

„Борьбу съ эпидеміей по всему широкому раіону Нижегородской губерніи, города и ярмарки приходилось устраивать, имѣя дѣло съ разными учрежденіями: земскимъ, городскимъ и ярмарочнымъ управленіемъ. Благодаря Вашимъ трудамъ, въ дѣйствіяхъ вышеуказанныхъ учрежденій было достигнуто единодушіе, результатомъ чего явилась стройная организація борьбы, несомнѣнно оказавшая громадное вліяніе на ослабленіе эпидеміи. Тѣ лица, которыя въ то время были настолько счастливы, что состояли вашими сотрудниками, могутъ открыто засвидѣтельствовать, что Вы работали днемъ и ночью, почти безъ отдыха, посѣщая госпитали, под-

вергаясь явной опасности сами заболѣть, — что заботясь о другихъ, Вы самоотверженно забывали о самомъ себѣ.

„Мы, уполномоченные всероссійскаго купечества, съѣзжающагося сюда на ярмарку для своихъ торговыхъ дѣлъ, собрались сегодня, чтобы выразить Вамъ отъ лица всероссійскаго купечества нашу глубокую душевную благодарность за Ваши заботы о насъ и засвидѣтельствовать Вамъ, Ваше Превосходительство, чувство искренней любви и общаго нашего уваженія, какъ администратору и человѣку".

Послѣ того, какъ адресъ былъ прочитанъ предсѣдателемъ ярмарочнаго комитета, С. Т. Морозовымъ, его превосходительство обратился къ купечеству и благодарилъ его за признательныя чувства.

Адресъ помѣщенъ въ кожаномъ бюварѣ, на серебряной матовой доскѣ котораго, украшенной рельефной гравировкой, находится слѣдующая надпись: „Его Превосходительству, господину управляющему Нижегородскою ярмаркой, Николаю Михайловичу Баранову, отъ ярмарочнаго купечества. 1892 года".

Бюваръ работы торговаго дома „Гавріила Корнилова наслѣдники".

Бюваръ этотъ вложенъ въ весьма цѣнный серебряный ларецъ съ массивной крышкой, на которой помѣщенъ рельефный видъ: „Въѣздъ Императора Александра III-го въ Московскій Кремль во время коронаціи". Этотъ видъ—чеканной работы репусэ.

Ларецъ исполненъ у извѣстнаго московскаго фабриканта П. П. Хлѣбникова.

БОЙ „ВЕСТЫ".

Пароходъ „Веста", лишь недавно преобразованный изъ коммерческаго судна, обыкновеннаго пароходнаго типа, въ военное судно и купленный нашимъ правительствомъ у „Русскаго общества пароходства и торговли", 10 іюля отправился изъ Одессы въ крейсерство къ Румелійскому берегу. Предположено было направиться къ Кюстенджи, въ надеждѣ встрѣтить хотя одинъ изъ параходо-фрегатовъ, которые заняты были

перевозкой турецкихъ отрядовъ и египетскихъ войскъ. Въ случаѣ неудачи рѣшено было направиться далѣе вдоль береговъ. Команда для парохода образовалась частью изъ балтійскихъ моряковъ, частью изъ черноморцевъ; всего 117 человѣкъ.

Иначе, какъ *добровольцевъ*, на „Весту“ на этотъ разъ никого не назначали. Охотниковъ явилось много и изъ нихъ былъ сдѣланъ выборъ. Командиромъ „Весты“ былъ назначенъ Николай Михайловичъ *Барановъ*, бывшій въ то время капитанъ-лейтенантомъ.

Старшимъ офицеромъ былъ — лейтенантъ Владиміръ Платоновичъ Перелешинъ, минеромъ-лейтенантомъ Михаилъ Платоновичъ Перелешинъ.

11-го іюля, когда „Веста“ находилась въ открытомъ морѣ, въ 25 миляхъ отъ Кюстенджи, съ парохода замѣтили на юго-западѣ полосу густаго чернаго дыма. Тотчасъ же взяли направленіе на него и чрезъ нѣсколько времени увидѣли корпусъ судна, хотя настолько неясно, что всѣ наблюдавшіе расходились въ своихъ заключеніяхъ: одни утверждали, что это турецкій пароходо-фрегатъ, — другіе, что это двухмачтовый турецкій броненосецъ. Точно также не могли опредѣлить направленія судна. Немного времени спустя всѣмъ стало ясно, что „Вестѣ“ предстоитъ имѣть дѣло съ турецкимъ броненосцемъ. Съ вышки капитана раздалось: — „къ орудіямъ! Готовься!“.. Былъ сдѣланъ первый залпъ. Снаряды пролетѣли мимо. По новой командѣ: „право на бортъ!“.. „Вестѣ“ удалось повернуть свою корму непріятелю ранѣе, чѣмъ раздались выстрѣлы съ броненосца.

Первый непріятельскій залпъ былъ встрѣченъ на „Вестѣ“ криками „ура“, затѣмъ завязался отчаянный артиллерійскій бой; противники такъ сблизились, что между ними образовалось разстояніе не болѣе 500 саженей (5 кабельтовъ). Бой длился ровно пять съ половиною часовъ. Изъ сотни снарядовъ, пущенныхъ въ „Весту“, всего три разрывныя бомбы, начиненныя шарапнелевой картечью, сдѣлали ей серьезный вредъ; другіе снаряды, благодаря ея искусному маневрированію, не попадали въ цѣль и безвредно падали въ глубину моря. Опредѣливъ курсъ къ ближайшему порту, Севастополю, „Вестѣ“ все время пришлось прятать бока свои и подста-

влять врагу то носъ, то корму; кромѣ того необходимо было держать паръ высоко и все усиливать ходъ, ибо броненосецъ съ превосходнымъ ходомъ и снабженный страшнымъ и не для „Весты“ тараномъ, легко могъ ее достигнуть и разсѣчь пополамъ.

Непріятелю удалось перебить у „Весты“ штуртросъ, и въ минуты его исправленія, разстояніе между „Вестою“ и броненосцемъ становилось все меньше и меньше. Бывали минуты, когда броненосецъ почти нагонялъ „Весту“ (между ними оставалось пространства менѣе, чѣмъ на ружейный выстрѣлъ). Тогда командиръ парохода, капитанъ-лейтенантъ Барановъ, все время не сходившій съ своего возвышеннаго мостика, вызывалъ къ борту стрѣлковъ, и они давали ружейный залпъ по непріятелю. Иногда самъ г. Барановъ, извѣстный отличный стрѣлокъ, выхватывалъ изъ рукъ матроса ружье и стрѣлялъ съ своей вышки. (Капитанъ-лейтенантъ Барановъ имѣетъ призы за стрѣльбу отъ Лондонскаго и Бельгійскаго обществъ). Отъ разорвавшейся бомбы въ корпусѣ „Весты“ образовались двѣ пробоины, а 10 дюймовая бомба, упавшая на палубу и пробившая ее, произвела пожаръ, который грозилъ страшнымъ взрывомъ, такъ какъ загорѣлось подлѣ крюйтъ-камеры, гдѣ хранится порохъ.

Разъ потушенный, пожаръ возобновился, когда разорвало новую бомбу, но и во второй разъ, какъ и въ первый, онъ былъ потушенъ своевременно, благодаря ловкости и энергіи команды, съ которой она дѣйствовала. А раненые и убитые, между тѣмъ, все прибывали; ихъ сносили въ каютъ-кампанію, гдѣ устроили лазаретъ. Молодой докторъ Франковскій едва успѣвалъ сносить раненыхъ и перевязывать имъ раны. Лейтенантъ Перелешинъ три часа оставался безъ перевязки, ожидая своей очереди.

Бой между тѣмъ все продолжался и становился все упорнѣе, все отчаяннѣе.

Когда упалъ артиллеріи полковникъ Черновъ, онъ весь былъ залитъ кровью, осколкомъ бомбы ему отъ лѣваго паха своротило всю брюшную полость: „сердце было видать“, разсказывалъ одинъ матросъ.

Несмотря на такую ужасную и безусловно смертельную рану, Черновъ въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній еще

жилъ. Онъ даже поднялся на ноги, обнялъ близь стоявшаго матроса, затѣмъ снова упалъ, успѣвъ сказать. „Прощайте!.. На кормѣ не забудьте... Заряжено... дѣйствуйте!“ Съ этими словами онъ и умеръ.

То же самое повторилось и съ молодымъ поручикомъ Яковлевымъ. Этотъ несчастный былъ буквально засыпанъ и разсѣченъ по всѣмъ направленіямъ картечью. На его тѣлѣ было насчитано двадцать девять ранъ. Несмотря на это, и онъ успѣлъ сказать свое послѣднее слово: „Братцы, въ карманѣ у меня разрывныя трубки,—пригодятся!“ Вновь попавшая бомба разразилась съ такими же убійственными послѣдствіями, какъ и первыя. Она также повредила одно орудіе и скосила не мало жертвъ. Опять полетѣли въ разныя стороны брызги мозга и крови, опять наповалъ уложило нѣсколько человѣкъ матросовъ. Изъ офицеровъ погибъ на этотъ разъ упомянутый выше лейтенантъ Перелешинъ. Въ ту минуту, когда разорвало бомбу, онъ находился со своею командой у минноснаго катера, который снаряжалъ, такъ какъ его было приказано приготовить на всякій случай. Осколокъ бомбы, между прочимъ, попалъ Перелешину въ руку и раздробилъ кость въ пяти мѣстахъ. Несмотря на страшныя, нечеловѣческія муки, онъ остался въ полномъ сознаніи и, лежа въ каютѣ своего брата, старшаго офицера, все время продолжалъ справляться о ходѣ сраженія и снаряженіи катера, которымъ онъ завѣдывалъ.

Страшная рана Перелешина, разбитая мортира, два убитыхъ офицера, четыре раненыхъ, пожаръ въ жилой палубѣ, не могли устрашить лихой экипажъ „Вести“: офицеры, начиная со старшаго и кончая молодымъ мальчикомъ, юнкеромъ Яковлевымъ, братомъ убитаго, явили себя героями; на мѣсто убитыхъ артиллерійскихъ офицеровъ всталъ лейтенантъ Кротковъ, и хотя въ тотъ моментъ, какъ наводилъ орудіе, граната, лопнувшая сзади пробила его платье, по крайней мѣрѣ, въ сорока мѣстахъ и опалила всѣ волосы на головѣ, онъ, опаленный и съ 17 ранами въ тѣлѣ, продолжалъ наводить мортиру. Одна изъ гранатъ перерѣзала на „Вестѣ“ паровыпускную трубу и обдала осколками весь мостикъ, убивъ наповалъ двухъ стрѣлковъ, и дѣйствовавшихъ изъ малокалиберныхъ скорострѣльныхъ ружей по амбразурамъ непрія-

тельскихъ орудій. Въ это же время самъ Барановъ былъ легко контуженъ въ голову и лѣвую руку; ординарецъ его, юнкеръ Яковлевъ, тоже контуженъ въ голову; вся машина осыпана осколками, но, благодаря Бога, блиндировка койками съ боковъ цилиндровъ, а матрацами сверхъ машиннаго люка, спасла машину отъ порчи.

Подъ конецъ наступило мгновеніе, когда минуты „Весты", казалось, были сочтены. Въ томъ положеніи, въ которомъ находились обѣ сражающіяся стороны, непріятель имѣлъ то страшное преимущество, что при близкомъ разстояніи онъ могъ успѣшно дѣйствовать своими разрушительными, хорошо защищенными прицѣльными орудіями, между тѣмъ какъ „Веста" исключительно могла серьезно разсчитывать только на мортиры, навѣсные выстрѣлы которыхъ успѣшно дѣйствуютъ лишь на дальнемъ разстояніи.

Надо было добиться прежде всего и во чтобы то ни стало большой скорости хода. Но всѣ средства были пущены въ ходъ: офицеры то и дѣло, по приказанію капитана, сбѣгали въ низъ, чтобы подбодрять измученныхъ выбившихся изъ силъ кочегаровъ. Въ печи бросали пеньку, лили масло и всевозможныя горючія вещества, но паръ и безъ того былъ поднятъ до крайняго предѣла своей высоты. Тогда среди команды съ быстротою молніи пронеслось извѣстіе о предложенномъ капитаномъ рѣшеніи, принятомъ всѣми единогласно. Было рѣшено испытать послѣднее средство: вся команда должна была броситься на катера и, съ миноносцемъ впереди, разомъ абордировать броненосецъ, имѣвшій вчетверо, если не впятеро больше команды „Весты"; но что за дѣло, когда рѣчь идетъ о „послѣднемъ средствѣ"! На случай же, еслибъ и это не удалось, было рѣшено: оставшимся на пароходѣ сцѣпиться вплотную съ броненосцемъ, и, поднося одною рукой къ крюйтъ-камерѣ зажженный фитиль, другою крѣпче и мужественнѣе обнять врага, чтобы вмѣстѣ разомъ взлетѣть на воздухъ. Славное рѣшеніе, достойное такихъ героевъ-храбрецовъ! Когда оно было объявлено по командѣ, всѣ сняли шапки, перекрестились и крикнули „ура!" Между тѣмъ кормовыя мортиры еще были заряжены. Изъ нихъ было рѣшено дать послѣдній залпъ. Направлялъ орудія лейтенантъ Рождественскій, который, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Кротко-

вымъ, послѣ смерти обоихъ артиллерійскихъ офицеровъ, оставался распорядителемъ у кормовыхъ орудій. Взлетѣлъ снарядъ и—настоящее чудо!—онъ попадаетъ прямо въ башенную, т. е. въ самую существенную часть броненосца. Тамъ, у непріятеля, вслѣдъ за этимъ поднялось страшное смятеніе, настоящій содомъ. На выстрѣлы онъ болѣе не отвѣчаетъ, паръ повалилъ изъ люковъ,—бомба разорвалась удачно, навѣрное въ самой машинѣ.

Можно живо представить себѣ восторгъ, который охватилъ тогда команду „Весты". Загремѣло снова „ура!" и наши выстрѣлы зачастили съ новою энергіей. (Здѣсь кстати будетъ припомнить, что такое-же рѣшеніе принято было капитанъ-лейтенантомъ Казарскимъ и всею командой брига „Меркурій", сражавшагося въ 1828 году съ тремя турецкими фрегатами. Въ кампаніи 1789 года, капитанъ шлюпа, баронъ Остенъ-Сакенъ, окруженный превосходными силами непріятеля, сцѣпился съ ближайшимъ турецкимъ кораблемъ и вмѣстѣ съ нимъ взлетѣлъ на воздухъ). Первымъ движеніемъ на „Вестѣ" было пуститься вслѣдъ за врагомъ, окончательно его обезоружить или взять въ плѣнъ, но „Веста" уже сильно пострадала и къ тому же на горизонтѣ показалось нѣсколько силуэтовъ турецкихъ судовъ.

Видя два орудія у себя подбитыми, имѣя въ корпусѣ двѣ пробоины, двухъ офицеровъ убитыми и четырехъ ранеными, и палубу, заваленную осколками и разорваннымъ человѣческимъ мясомъ, и что главное—видя, что машинисты и кочегары едва держатся на ногахъ, послѣ 5-ти часоваго боя, „Веста" не рѣшилась энергично преслѣдовать убѣгавшаго быстроходнаго врага. Тѣмъ болѣе, что онъ подалъ какой-то сигналъ и на горизонтѣ стали показываться еще рангоуты судовъ. Въ донесеніи своемъ объ этомъ дѣлѣ начальникъ „Весты" Н. М. Барановъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Доносить о подвигахъ особенно отличившихся гг. офицеровъ я по совѣсти не могу; какъ честный человѣкъ, могу сказать одно, что кромѣ меня, исполнявшаго лишь свой долгъ, остальные заслуживаютъ удивленія геройству ихъ и тому достоинству, съ которымъ показывали примѣръ мужества и необычной храбрости. Старшій офицеръ лейтенантъ Влади-

міръ Перелешинъ былъ мною посланъ тушить пожаръ въ жилой палубѣ; пробѣгая туда, онъ наткнулся на носилки съ страдальцемъ его братомъ; Владиміръ Перелешинъ, не смотря на то, что дѣлалось у него на душѣ, не останавливаясь, пробѣжалъ къ мѣсту пожара и съ помощью мичмана Петрова и гардемарина Казнакова погасилъ пожаръ надъ пороховыми и бомбовыми погребами. Только сегодня, при осмотрѣ въ Севастополѣ докторами раненыхъ, оказалось, что лейтенантъ Перелешинъ контуженъ въ голову. Убиты подполковникъ Черновъ, прапорщикъ Яковлевъ и девять человѣкъ нижнихъ чиновъ. Умеръ, на другой день послѣ ампутаціи, лейтенантъ Перелешинъ.

Долгъ мой заставляетъ меня упомянуть о самоотверженіи князя Голицына-Головкина: замѣтя, что мостикъ въ особенности осыпается снарядами и что нѣкоторые изъ непріятельскихъ снарядовъ покрыли уже кровью весь мостикъ, деблиндированный мною отъ коекъ, въ виду прикрышки имъ машины, Голицынъ, подъ всякими предлогами, старался заслонить меня, желая лишь служить щитомъ.

Штурманскій офицеръ штабсъ-капитанъ Корольковъ стоялъ все время у штурвала задомъ къ непріятелю, не отрывая глазъ отъ картушки компаса и отъ души сердясь на лопанье гранатъ, заставлявшее картушку прыгать, а во время одного изъ непріятельскихъ залповъ, не обращая вниманія на то, что сзади его дѣлалось, онъ приказалъ сигнальщику убрать исковерканный ружейный стволъ, брошенный къ самому компасу, въ виду того, что желѣзо ствола можетъ вредить девіаціи компаса, и не замѣчая, что ружье это принадлежало одному изъ несчастныхъ стрѣлковъ, разорванныхъ бомбой на мостикѣ.

Увидя бѣгство броненосца, я велѣлъ подобрать трупы, и предполагая, что прибыль воды отъ пробоинъ не позволитъ разсчитывать на сохраненіе порядочнаго хода, а слѣдовательно могъ ожидать повторенія аттаки отъ новыхъ турецкихъ броненосцевъ, я приготовилъ судно, на сколько могъ, къ новому бою; затѣмъ приказалъ командѣ пропѣть громко молитву въ благодарность Богу за побѣду, послѣ чего дружно прокричали троекратно „ура!“ въ догонку уходившему врагу, не отвѣчавшему болѣе на наши выстрѣлы.

Изъ нижнихъ чиновъ мнѣ также очень трудно указать наиболѣе отличившихся—отличны были всѣ. Но сколько я могъ замѣтить, болѣе другихъ выдавались боцманъ Власовъ и два комендора, оставшіеся живыми при кормовыхъ орудіяхъ; рулевые, не обращая вниманія на происходившее вокругъ нихъ, правили рулемъ какъ-бы въ обыкновенномъ плаваніи".

Подобно многимъ другимъ компанейскимъ пароходамъ, „Веста"—винтовой пароходъ, стѣнки его менѣе дюйма толщины, и въ сравненіи съ турецкимъ броненосцемъ „Веста" кажется, по замѣчанію очевидцевъ, чуть не картоннымъ судномъ. Говорятъ, что постройкѣ большихъ деревянныхъ коммерческихъ судовъ на Черномъ морѣ воспротивились морскія европейскія государства. На „Вестѣ" находилось 12 орудій. По своему калибру, слѣдовательно, и по своей силѣ, — орудія на „Вестѣ" не могли выдерживать никакого сравненія съ вооруженіемъ турецкаго броненосца, и ея бой съ сильнѣйшимъ противникомъ представляетъ примѣръ того, до чего можетъ достигнуть нравственное превосходство команды, въ связи съ искусными распоряженіями и настойчивостью; ея геройскій бой прибавилъ еще новую страницу въ славной исторіи русскаго флота.

Въ заключеніе сообщаемъ слѣдующій приказъ главнаго командира черноморскаго флота и портовъ, отъ 14-го іюля: „Сегодня я имѣлъ счастье получить телеграмму отъ Государя Императора слѣдующаго содержанія: „Командиру парохода „Веста", капитанъ-лейтенанту Баранову, назначаю Георгія 4-й степени; представь о прочихъ отличившихся и объяви всѣмъ офицерамъ и командѣ Мое сердечное „спасибо": они вновь доказали, что старый духъ нашего славнаго черноморскаго флота живъ и въ новомъ поколѣніи".

За симъ извѣстно, что капитанъ-лейтенантъ, Николай Михайловичъ Барановъ, получилъ кромѣ того слѣдующій по службѣ чинъ; а въ дополненіе къ наградамъ, Высочайше пожалованнымъ, Государь Императоръ Всемилостивѣйше изволилъ назначить (какъ объявлено въ приказѣ главнаго командира черноморскаго флота и портовъ) всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ пожизненную пенсію, о размѣрѣ которой морскому министерству повелѣно войти съ особеннымъ представленіемъ.

Были въ жизни Н. М. и непріятности, повліявшія на всю его дальнѣйшую жизнь. Герою Весты пришлось предстать предъ судомъ.

Все дѣло вышло изъ-за того, что капитанъ-лейтенантъ Рождественскій, участникъ славнаго боя „Весты“, принимавшій овацiи наравнѣ съ прочими сподвижниками Баранова, какъ должную дань своей храбрости, вдругъ выступилъ съ газетными обличеніями противъ бывшаго своего начальника, флигель-адъютанта Баранова. Онъ печатно заявилъ, что никакого бѣгства турецкаго броненосца отъ „Весты“ не было, что напротивъ „Веста“ бѣжала отъ „Фетхи-Буленда“, что въ донесеніи командира судна много неправильностей. Вслѣдствіе этихъ заявленій г. Барановъ и прочіе офицеры пожелали судомъ очистить себя и „Весту“ отъ нелестныхъ нареканій бывшаго участника боя. Наряжается слѣдствіе, тянется, потомъ прекращается, „потому что возникшее дѣло не подсудно военно-морскому суду, такъ какъ капитанъ-лейтенантъ Рождественскій не находился во время напечатанія статьи въ подчиненномъ отношеніи къ флигель-адъютанту, капитану 1 ранга Баранову, и потому не совершилъ никакого нарушенія законовъ дисциплины или военно-морской службы“. Недовольный этимъ отказомъ, легальнымъ, конечно, г. Барановъ подаетъ г. управляющему морскимъ министерствомъ докладную записку, въ которой, между прочимъ, выражалъ сомнѣніе: „не слѣдуетъ ли приписать безуспѣшность слѣдствія надъ капитанъ-лейтенантомъ Рождественскимъ тому, что противниками флигель-адъютанта Баранова являются, кромѣ Рождественскаго, многія лица морскаго вѣдомства? Въ концѣ концовъ онъ просилъ дозволить ему снять морской мундиръ, такъ какъ затрудняется вести дѣло внѣ морскаго суда, затрудняется начать журнальную и публичную борьбу съ вѣдомствомъ, мундиръ котораго онъ носитъ. Выраженія этой записки и составили все преступленіе прославленнаго командира „Весты“.

* * *

Приводимъ кстати письмо одного изъ участниковъ въ боѣ „Весты“.

Это письмо грека Спирополо было напечатано въ *Моск. Вѣд.*

Авторъ проситъ русскія газеты перепечатать его. Мы можемъ представить здѣсь только извлеченія изъ него.

„Я, греческій подданный, Апостолъ Спирополо, 65 лѣтъ отъ роду; съ 10 лѣтъ до 37 года я плавалъ въ Средиземномъ морѣ, принимая участіе ребенкомъ, юношей и взрослымъ человѣкомъ въ борьбѣ за свободу своей родины, а затѣмъ я испросилъ разрѣшеніе французскаго правительства поступить на французскій военный флотъ волонтеромъ. Будучи горячимъ патріотомъ моей родины, будучи поклонникомъ идеи освобожденія христіанъ отъ вѣчнаго мусульманскаго ига, я желалъ служить съ русскими моряками въ минувшей войнѣ Россіи съ Турціей и, узнавъ о вооруженіи крейсера „Веста“, хотя и не былъ знакомъ съ его командиромъ, г. Барановымъ, я просился на „Весту“, въ качествѣ безплатнаго переводчика греческаго и турецкаго языковъ и лоцмана турецкихъ береговъ Чернаго моря. По разсмотрѣніи моихъ бумагъ я былъ принятъ. На другой день моего поступленія на „Весту“, меня Богъ привелъ быть свидѣтелемъ доселѣ невиданнаго боя, хотя я и видѣлъ не одинъ, и неслыханнаго мною боя „Весты“ съ „Фетхи-Буленомъ“. За все время боя, кромѣ 20 минутъ, въ теченіе которыхъ я стрѣлялъ изъ 9-ти фунтоваго орудія, я стоялъ на мостикѣ рядомъ съ г. Барановымъ и былъ очевидцемъ, какъ онъ и весь его экипажъ держали себя во время боя. Какъ честный человѣкъ, проживши бо́льшую половину своей жизни и, какъ морякъ, я могу сказать слѣдующее: поведеніе г. Баранова во все время боя, какъ командира, моряка и воина, такъ же, какъ и духъ его молодаго, но героическаго экипажа, со включеніемъ даже вольнонаемныхъ, было безпримѣрное“.

О самомъ боѣ „Весты“, по словамъ г. Спирополо, г. Барановъ говорилъ въ своемъ рапортѣ въ общемъ правду, въ частностяхъ же онъ писалъ то, что ему каждый изъ служащихъ докладывалъ по своей части. Г. Спирополо пишетъ далѣе:

„Я, какъ иностранецъ, не знаю русскихъ законовъ; не смѣю и не хочу касаться вопросовъ ни о судѣ, ни о томъ, какъ онъ происходилъ; но будучи вызванъ по собственному желанію изъ Константинополя на судъ въ качествѣ свидѣтеля, я цѣловалъ на судѣ Крестъ и Евангеліе, клянясь ска-

зать правду и такъ какъ я объясняюсь по-русски дурно, то правды этой я, какъ хотѣлъ, сказать не могъ. Теперь съ помощью прессы я хочу сказать эту правду гласно всѣмъ: убѣжденъ, что всѣ бывшіе мои сослуживцы на „Вестѣ“ согласятся съ моимъ отзывомъ о нашемъ бывшемъ командирѣ, осужденномъ нынѣ за дерзость и оскорбленіе. Кто, какъ я, видѣлъ этого человѣка въ кругу его команды и на скамьѣ подсудимыхъ,—тотъ только можетъ его знать вполнѣ. Всегда и всѣмъ я съ гордостью скажу, что я былъ на „Вестѣ“ въ бою 11 іюля 1877 г. и что, какъ тогда, такъ и теперь, я, уважаю г. Баранова, какъ человѣка, какъ моряка и какъ воина“.

Это письмо не нуждается въ комментаріяхъ.

Общее впечатлѣніе отъ этого суда надъ героемъ „Весты“ то, что рѣзкія или сколько-нибудь оскорбительныя для государственныхъ учрежденій слова и выраженія въ прошеніяхъ и докладныхъ запискахъ обыкновенно не допускаются у насъ самимъ дѣломъ, т. е. подобныя прошенія и докладныя записки возвращаются подателямъ, какъ неудобопріемлемыя, и тѣмъ предупреждаются всякія дрязги и излишнія обремененія судовъ,—слѣдовательно, такое исключительное въ нашихъ судебныхъ лѣтописяхъ дѣло, какъ преданіе суду г. Баранова, за непочтительность или оскорбительность выраженій въ докладной запискѣ, имѣетъ дѣйствительно иное основаніе, которое достаточно пояснено рѣчью адвоката, г. Хартулари, и, въ особенности, самого г. Баранова.

* * *

Какою искреннею любовью и уваженіемъ населенія управляемаго края, а также и пришлаго на ярмарку люда, стекающагося сюда цѣлыми тысячами, пользуется Н. М. Барановъ прекраснымъ доказательствомъ служитъ слѣдующая картина, имѣвшая мѣсто въ текущемъ 1892 году.

27-го іюля, въ день именинъ г. начальника губерніи, Н. М. Баранова, крестьяне многихъ губерній, находящіеся въ Нижегородской ярмаркѣ на заработкахъ, пожелали помолиться о здравіи его превосходительства и лично поздравить именинника. Божественная литургія совершена была въ старомъ ярмарочномъ, Всемилостиваго Спаса, соборѣ, при громадномъ стеченіи молящагося простого народа.

Ранній часъ начала службы, отсутствіе торжественнаго колокольнаго благовѣста, — все это придало духовному торжеству высокій, по своей скромности, характеръ. По окончаніи литургіи отслужено было Господу Богу молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Ихъ Императорскимъ Величествамъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ, Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу и всему Царствующему Дому. По окончаніи богослуженія, громадная толпа крестьянъ двинулась къ Главному дому, мѣсту жительства г. начальника губерніи, и расположилась на площади, ожидая выхода его превосходительства. Выборные отъ рабочихъ, войдя въ губернаторскіе покои, подали его превосходительству вынутыя за его здоровье просфоры.

Въ это время, не смотря на ранній часъ утра, въ пріемной г. начальника губерніи собралось нѣсколько просителей, и тутъ-же находились санитары, подготовленные школой санитаровъ при госпиталѣ во дворцѣ и отправляемые въ уѣзды.

Выйдя въ пріемную, его превосходительство принялъ всѣхъ просителей и затѣмъ перешелъ къ санитарамъ. Сказавъ имъ краткую рѣчь, въ которой указалъ на святость ихъ служенія ближнему, его превосходительство пожелалъ санитарамъ силъ и энергіи на ихъ поприщѣ и спустился внизъ, гдѣ ожидала его толпа крестьянъ. Спустившись въ вестибюль, Николай Михайловичъ приказалъ „просить“ своихъ раннихъ поздравителей. Обширный вестибюль Главнаго дома наполнился крестьянами, тѣсно окружившими начальника губерніи.

— Ближе, ближе, друзья мои! — приглашалъ его превосходительство.

Вестибюль былъ полонъ, и много народа стояло на площади. Слышался смѣшанный говоръ толпы:

— Поздравляемъ Ваше Превосходительство! Желаемъ счастія! Помолились за Ваше здоровье! Благодарны за Ваши заботы о насъ!

Толпа шумѣла и тѣснилась вплотную вокругъ Николая Михайловича. Но его превосходительство началъ говорить, и все кругомъ смолкло въ одно мгновеніе.

— Благодарю васъ, друзья мои, что вы вспомнили меня въ день моихъ именинъ. Я радъ, что ваши сердца откликну-

лись добрымъ пожеланіемъ на мои посильныя заботы о васъ. Работайте, какъ работали, и не бойтесь. Благодарю васъ за ваше поздравленіе. Прошу васъ выпить по чаркѣ водки и еще разъ благодарю. Желаю вамъ силъ и здоровья. Трудитесь, работайте и не бойтесь! Благодарю васъ!

Громовое „ура“ загремѣло въ вестибюлѣ, прокатилось по площади и загрохотало по пассажамъ Главнаго дома.

Его превосходительство приказалъ подавать экипажъ и, тѣсно окруженный толпою своихъ первыхъ поздравителей, сѣлъ въ коляску и отправился осмѣтривать госпиталь.

* * *

Энергичныя мѣры, принятыя генералъ-маіоромъ Н. М. Барановымъ въ борьбѣ съ эпидеміей, въ текущемъ году.

Начальникомъ губерніи изданы обязательныя постановленія для вольнопрактикующихъ врачей. Послѣдніе, въ силу этихъ постановленій, обязаны подчиняться всѣмъ требованіямъ административной власти и безотлагательно оказывать больнымъ помощь во всякое время дня и ночи. Услыхавши, что аптекаря, пользуясь случаемъ, стали слишкомъ ужь неосторожно надбавлять цѣну на дезинфекціонныя средства, губернаторъ оффиціально объявилъ, что за подобныя дѣйствія, если они повторятся, виновные будутъ подвергнуты не только уголовному, но и административному взысканію. (А послѣднее, особенно во время дѣйствія положенія объ усиленной охранѣ, которая здѣсь ожидается со дня на день, куда страшнѣе для гг. гешефтмахеровъ, чѣмъ всѣ уголовныя наказанія!) Въ сильномъ страхѣ находятся теперь домовладѣльцы, которымъ приказано въ теченіе недѣли очистить дворы. Зная, что съ генераломъ Барановымъ шутить въ данномъ случаѣ нельзя, они платятъ втрое за очистку нечистотъ, но и за эту плату не всегда можно найти рабочихъ. Послѣдніе даже вошли между собою въ стачку и повысили плату за работу до невозможной степени. Генералъ и здѣсь пришелъ на помощь. Онъ объявилъ рабочимъ, что если они не прекратятъ эту стачку, то будутъ удалены изъ города... Изъ всего этого вы поймете, какая кипучая дѣятельность шла въ Нижнемъ-

Новгородѣ. Эта горячая, неустанная работа, помимо той прямой пользы, которую она преслѣдуетъ, оказываетъ еще большую услугу населенію въ томъ, что дѣйствуетъ какъ-то освѣжающимъ образомъ, успокаиваетъ нервы обывателей. А, вѣдь, теперь, какъ на войнѣ, самое важное — сохранить спокойствіе духа. Нижегородскій мѣщанинъ-домовладѣлецъ Китаевъ, въ присутствіи значительнаго числа рабочихъ, позволилъ себѣ говорить, что холеры нѣтъ, что ее выдумали врачи, зарывающіе въ землю живыхъ. При этомъ высказывалъ угрозы по адресу врачей и мѣстной администраціи. Приказомъ губернатора Баранова опубликовано: „Дабы дать возможность Китаеву видѣть холерныхъ больныхъ, ухаживать за ними, слѣдить за тѣмъ, чтобы никто изъ такихъ больныхъ не былъ погребенъ заживо, я призналъ полезнымъ, не подвергая виновнаго никакому наказанію, назначить его на одинъ мѣсяцъ въ составъ санитарныхъ служителей плавучаго госпиталя, устроеннаго на случай холерныхъ заболѣваній“. Китаевъ былъ водворенъ въ госпиталѣ. (5-го іюля плавучій госпиталь былъ освященъ).

На Китаева такъ сильно подѣйствовала эта строгая, но справедливая мѣра взысканія, что онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ санитарныхъ служителей.

Изъ приказовъ генерала Баранова.

1. Забота г. министра внутреннихъ дѣлъ о ярмаркѣ и Нижнемъ Новгородѣ подарила насъ командированіемъ сюда многоуважаемаго профессора и члена медицинскаго совѣта В. К. Анрепа. Вчера я отдалъ приказъ о его правахъ, а также объ обязанностяхъ всѣхъ лицъ медицинскаго и санитарнаго персонала относительно требованій и порученій его превосходительства Василія Константиновича. Сегодня же считаю нужнымъ обратиться съ простымъ солдатскимъ словомъ ко всѣмъ гг. докторамъ, врачамъ и студентамъ-медикамъ, всегда или временно находящимся на ярмаркѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ губерніи. Несвѣдущъ я въ медицинѣ, но имѣю

нѣкоторый опытъ въ томъ, какъ нужно переживать тяжелые дни. Дни эти подобны битвѣ, успѣхъ которой зависитъ не отъ мощи и искусства врага, а отъ единства и нравственной высоты собственныхъ силъ. Поэтому, передавая все медицинско-санитарное дѣло въ умѣлыя и компетентныя руки Василія Константиновича, заранѣе, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, объявляю, что дѣлаясь его вѣрнымъ помощникомъ, требую того же и отъ постоянныхъ моихъ сослуживцевъ, врачей, студентовъ и прочихъ лицъ медицинскаго персонала. Нахожу также нужнымъ объявить, что безпощадная требовательность моя отъ темнаго простолюдина благоговѣйнаго уваженія къ врачу, помогающему страждущему, можетъ быть справедливой только при условіи безотчетнаго самоотверженнаго служенія гг. врачей тому великому призванію, которому они себя добровольно отдали.

Многихъ изъ васъ, господа, я уже успѣлъ узнать на дѣлѣ, какъ по Лукоянову, такъ и по Нижнему. Знакомство со святой дѣятельностью нѣкоторыхъ врачей и студентовъ можетъ вызвать лишь чувство глубочайшаго уваженія и признательности, но большинство лицъ мнѣ извѣстны лишь по виду и по фамиліи; для нихъ то и пишу эти строки и прошу ихъ заранѣе знать, что всегда и во всемъ они встрѣтятъ во мнѣ или сочувствующаго друга, или рѣзкаго начальника, недопускающаго, особенно въ острые дни, и мысли о неисполненіи своихъ обязанностей или о меркантильности отношеній къ ввѣренному имъ святому дѣлу.

Программа моихъ дѣйствій ясна: предпочитаю лучше лишиться тѣхъ, которые не захотятъ работать согласно мною высказанному требованію, чѣмъ рисковать успѣхомъ разрѣшенія нашей задачи.

Подписалъ генералъ-маіоръ *Н. Барановъ.*

17-го іюля 1892 года.

***

II. Въ видахъ охраненія народнаго здоровья и огражденія населенія отъ эксплуатаціи разнаго рода шарлатанами, управляющій ярмаркой, генералъ-маіоръ Барановъ, постановилъ слѣдующее:

. Врачи и дантисты, желающіе заниматься на ярмаркѣ практикой, обязаны немедленно по прибытіи представлять въ ярмарочный врачебно-полицейскій комитетъ документы, удостовѣряющіе ихъ права практики.

2. Всѣмъ, желающимъ практиковать на ярмаркѣ, врачамъ составляется во врачебно-полицейскомъ комитетѣ списокъ, который и публикуется въ газетахъ.

3. Такими адресными списками практикующихъ врачей, для удобства публики, снабжаются гостинницы, аптеки и полицейскіе чины.

4. Управляющіе аптеками приглашаются исполнять во всей строгости установленныя правила объ отпускѣ лекарствъ, не дозволяя выдачи таковыхъ по рецептамъ фельдшеровъ, дантистовъ (циркуляръ медицинскаго департамента 12-го апрѣля 1890 года за № 2509) и лицъ, не значащихся въ спискѣ врачей, строго воспрещается аптекамъ отпускъ сильно-дѣйствующихъ средствъ по старымъ сигнатуркамъ.

5. Фельдшера и лица, позволившія себѣ заниматься врачебной практикой, не имѣя на то права, будутъ подвергнуты строгой отвѣтственности.

6. Всѣ врачи о всякомъ встрѣтившемся въ ихъ практикѣ случаѣ заразныхъ заболѣваній немедленно извѣщаютъ ярмарочный врачебно-полицейскій комитетъ посредствомъ особой карточки, которая и опускается въ ближайшій почтовый ящикъ. При заболѣваніяхъ же холерой слѣдуетъ пользоваться почтою въ тѣхъ случаяхъ, если не представляется возможности отправить извѣщеніе съ нарочнымъ, причемъ обязательно обозначать, находится ли больной подъ наблюденіемъ пользующаго врача или отправленъ въ пріемный покой или больницу.

7. Если больной остается подъ наблюденіемъ пользующаго врача, то на обязанность послѣдняго возлагается производство надлежащей дезинфекціи и т. п.

8. Зубнымъ врачамъ и дантистамъ разрѣшаетя заниматься зубоврачебной практикой только подъ своими фамиліями и въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ.

9. Зубные врачи и дантисты обязуются имѣть въ своихъ кабинетахъ дезинфекцирующія жидкости для очистки своихъ рукъ и инструментовъ, а также соблюдать чистоту во всей обстановкѣ.

10. Всякаго рода публикаціи, имѣющія видъ рекламъ, для всѣхъ воспрещаются, на основаніи циркуляра медицинскаго департамента отъ 19-го января 1883 года за № 296.

11. Всѣ публикаціи должны быть печатаемы съ разрѣшенія ярмарочнаго врачебно-полицейскаго комитета.

***

III. а) „Къ ряду многихъ прекрасныхъ качествъ Нижегородцевъ примѣшиваются и нѣкоторые пороки, вызывающіе въ обыкновенное время сожалѣніе и презрѣніе, а въ такое острое, какъ переживаемое нами теперь, не могущіе оставаться безъ вниманія. Сегодня говорю о несчастной привычкѣ писать анонимы, наполненные руганью, угрозами убійствъ, пожаровъ и бунтовъ. Эти дни городская почта разноситъ массу конвертовъ, содержащихъ и сказанныя произведенія. Масса таковыхъ адресуется мнѣ. За присылку почтой угрозъ, мнѣ лично, благодарю сочинителей, доставляющихъ доходъ казнѣ покупкою марокъ. Но много угрозъ доставляется именитымъ гражданамъ города, членамъ городскаго, ярмарочнаго и биржеваго управленій, а что всего хуже—лицамъ, присылаемымъ сюда по дѣламъ службы, и добровольнымъ труженникамъ, помогающимъ въ борьбѣ съ холерой: докторамъ, сестрамъ милосердія и прочимъ. Родина честнаго Минина, всею Россіею чтимаго за его любвеобиліе къ престоламъ Божьему и Царскому и славѣ отечества, не можетъ быть ареной для дѣяній шайки крамольниковъ. Но не всѣ это ясно понимаютъ и не вполнѣ твердо относятся къ ничего нестоющимъ безъимяннымъ, подпольнымъ угрозамъ. Объявляю: ни одного человѣка изъ служащихъ займу розыскомъ негодяевъ, пишущихъ анонимы. Если, Боже упаси, гдѣ-нибудь, пользуясь глупостью и легковѣріемъ темныхъ людей, кому-нибудь удастся нарушить порядокъ, я возстановлю его находящейся въ моемъ распоряженіи военной силой, — зачинщиковъ и подстрекателей повѣшу немедленно и на мѣстѣ, а участники жестоко на глазахъ у всѣхъ будутъ наказаны. Знающіе меня повѣрятъ, что исполню обѣщаемое. Приглашаю всѣхъ угрожаемыхъ быть покойными и продолжать свою почтенную дѣятельность, не заботясь о своей безопасности. Эта забота Царемъ возложена на меня“.

б) „Сегодня, ночью, на пріемномъ пунктѣ Сибирской пристани въ легонькій досчатый баракъ, служащій мѣстомъ отдыха монахинь въ минуты, свободныя, отъ чтенія псалтири надъ усопшими, брошенъ большой камень. Ударъ былъ такъ силенъ, что одна изъ досокъ барака сорвалась съ гвоздей, и вылетѣла оконная рама. Слава Богу, отдыхавшая монахиня, только что окончившая свое дежурство въ покойницкой, отдѣлалась однимъ испугомъ. Бездѣльникъ, бросившій камень, за темнотою ночи успѣлъ скрыться въ кустахъ берега Баранцева озера. Я радъ этому, потому что до отдачи вышепомѣщаемаго предостереженія, я нѣсколько затрудненъ бы былъ повѣшеніемъ негодяя на мѣстѣ преступленія и пришлось бы примѣнить къ нему слишкомъ мягкую мѣру, не соотвѣтствующую его святотатственности. Съ завтрашняго же дня я буду считать себя свободнымъ отъ всякихъ стѣсненій, въ видѣ повтореній вышесказаннаго мерзкаго и несвойственнаго ни христіанину, ни русскому человѣку преступленія".

10-го іюля 1892 года.

***

IV. Сегодня при посѣщеніи рѣчнаго холернаго госпиталя сердечно былъ порадованъ наглядным доказательствомъ пользы жертвъ правительства, общественныхъ управленій и самоотверженнаго труда гг. докторовъ. Я видѣлъ и бесѣдовалъ съ тремя жестоко заболѣвшими азіатской холерой и спасенными отъ смерти нашими докторами.

Имена выздоровѣвшихъ: крестьянинъ Нижегородскаго уѣзда, Покровской волости, дер. Кріуши—Герасимъ Макаровъ Ножинкинъ; 2) крестьянинъ того же уѣзда, Таможниковской волости, дер. Стрѣлки—Иванъ Семеновъ Широковъ и 3) жена рядоваго изъ крестьянъ дер. Вадъ, Арзамасскаго уѣзда — Аксинья Тимоѳеева Мухина.

Слава Богу и благодареніе, какъ докторамъ, такъ и сестрамъ милосердія и прочимъ ухаживающимъ за больными лицамъ медицинскаго персонала.

Нѣтъ сомнѣнія, что и многіе, если не большинство заболѣвшихъ, будетъ излечено; но, и по спасеніи отъ холерной смерти, положеніе простолюдина остается тяжелымъ: носиль-

ное платье его, дабы не распространить заразу, уничтоженъ, заработокъ во время болѣзни потерянъ, полученіе новаго затруднительно, въ виду неполноты силъ выздоровѣвшаго,—словомъ, и по выпискѣ изъ госпиталя надо помощь и заботу о бывшемъ больномъ. Какъ помочь?—Деньгами, носильнымъ платьемъ и бѣльемъ и облегченіемъ возвращенія на родину.

Зная нижегородское общество, я ни одной минуты не сомнѣваюсь въ томъ, что отъ мала до велика и отъ богатаго до бѣднаго — всѣ нижегородцы пришлютъ посильную помощь свою или въ нижегородскій биржевой комитетъ, который не откажетъ встать во главѣ сказаннаго сбора, или Н. А. Бугрову, имя котораго извѣстно всему населенію города и губерніи.

11-го іюля 1892 года.

* * *

V. Сегодня 16 іюля, умеръ въ больницѣ на Шоссе (бывшая дача Кемпъ), заболѣвшій холерой, врачъ Яковъ Идельсонъ. Покойный былъ изъ числа первыхъ врачей, охотно явившихся въ Нижній для поданія помощи заболѣвающимъ. Самоотверженно работая и спасая другихъ, онъ самъ подвергся болѣзни и положилъ душу свою за ближнихъ своихъ,—качества чисто христіанскія, хотя покойный принадлежалъ къ числу послѣдователей Моисеева закона.

Постараюсь почтить память этого достойнаго человѣка присутствіемъ своимъ на его похоронахъ, имѣющихъ быть завтра, 17-го іюля, въ 3 часа дня, на особомъ кладбищѣ, въ мѣстности, прилегающей къ шоссейной больницѣ.

Подписалъ генералъ-маіоръ *Н. Барановъ.*

Похороны Я. Идельсона.

17-го іюля, происходили похороны врача Я. Идельсона, умершаго наканунѣ отъ холеры въ больницѣ, на Шоссе. Такъ какъ покойный былъ іудейскаго вѣроисповѣданія, то трупъ его помѣщенъ былъ въ особо устроенную при больницѣ палатку. На похороны, къ 3-мъ часамъ дня прибыли:

начальникъ губерніи Н. М. Барановъ, д. с. с. фонъ-Анрепъ и товарищи покойнаго по профессіи—мѣстные врачи. Надъ гробомъ послѣдними сказано было нѣсколько рѣчей, въ которыхъ, въ свѣтлыхъ обликахъ, выставлялся служебный долгъ покойнаго, направленный къ помощи страждущему человѣчеству. По совершеніи обряда преданія землѣ, гробъ покойнаго, покрытый вѣнками, возложенными отъ товарищей умершаго, опущенъ былъ въ могилу близъ православнаго кладбища. Смерть Идельсона была неожиданностью для его сослуживцевъ. Еще наканунѣ онъ былъ занятъ пріемомъ холерныхъ больныхъ на Пескахъ, гдѣ нужно полагать, и заразился холерой. Когда его доставили въ больницу, онъ былъ очень плохъ,—„безъ пульса“, какъ принято выражаться. Не смотря на всѣ принятыя мѣры врачебной помощи, его нельзя было спасти—и онъ на другой день умеръ.

* * *

Въ нижегородскихъ газетахъ было помѣщено слѣдующее воззваніе къ гражданамъ Н. М. Баранова.

„Нижегородки и нижегородцы!

Со дня появленія холеры въ городѣ и на ярмаркѣ я, по совѣту профессора В. К. Анрепа, принялъ всѣ указанныя наукой и опытомъ мѣры для борьбы съ посѣтившей насъ эпидеміей. Кромѣ лучшихъ медицинскихъ силъ нашего города, къ участію въ этомъ дѣлѣ приглашены изъ другихъ мѣстъ врачи, студенты, фельдшера и сестры милосердія, которые и распредѣлены на плавучемъ госпиталѣ, шоссейномъ, во вновь отведенной въ губернаторскомъ домѣ больницѣ и на всѣхъ обсерваціонныхъ и амбулаторныхъ пунктахъ.

Весь этотъ врачебный штатъ въ теченіе послѣдняго времени напрягалъ всѣ свои силы для облегченія тяжелаго положенія страждущихъ.

Изнемогая подъ непосильнымъ бременемъ выпавшей на ихъ долю задачи,—многія изъ этихъ лицъ находятся въ настоящее время въ состояніи крайняго преутомленія, препятствующаго правильному отправленію ихъ тяжелыхъ обязанностей.

Увѣренъ, что среди добрыхъ нижегородцевъ найдутся охотники-добровольцы, готовые пожертвовать свой трудъ и силы на спасеніе и благо своихъ ближнихъ, и что сердобольныя

нижегородки покажутъ себя истинными христіанками и помогутъ страждущимъ.

Оказаніе первоначальной помощи дѣло не особенно трудное: доброе желаніе и способность исполнять указанія врачей — вотъ все, что надо. Всѣхъ, кто откликнется на мой призывъ, прошу пожаловать ко мнѣ на ярмарку, въ Главный домъ, отъ 9 до 11½ часовъ утра".

Подписалъ нижегородскій губернаторъ, генералъ-маіоръ, *Н. Барановъ*.

19-го іюля 1892 года.

* * *

VI. Въ экстренномъ засѣданіи губернской санитарно-исполнительной коммиссіи 24-го іюля признано было необходимымъ, чтобы нижегородское городское управленіе позаботилось:

1) о безотлагательномъ открытіи въ городѣ, по примѣру ярмарки, нѣсколькихъ пунктовъ для продажи дезинфекціонныхъ матеріаловъ, по заготовительной цѣнѣ, и

2) объ открытіи, отъ города, пріюта для бѣдныхъ больныхъ, выздоровѣвшихъ отъ холеры, но еще не вполнѣ оправившихся.

Сегодня г. городской голова сообщилъ мнѣ, что, по состоявшемуся 24-го-же іюля постановленію городской думы, для помѣщенія выздоравливающихъ, городомъ взято во временное пользованіе, принадлежащее нижегородскому обществу охотниковъ конскаго бѣга, зданіе вокзала на ипподромѣ, близъ Марьиной рощи, гдѣ выздоровѣвшіе будутъ пользоваться койкою со всѣми принадлежностями, обѣдомъ и ужиномъ, состоящими изъ свѣжей горячей пищи, и чаемъ.

Сказанное помѣщеніе будетъ готово 26-го іюля и къ полудню этого числа можно будетъ помѣстить въ немъ до 20 человѣкъ. На такое число людей будутъ готовы къ указанному времени койки, чай и обѣдъ, а затѣмъ спѣшно будетъ заготовлено все необходимое и для большаго числа выздоровѣвшихъ.

Дезинфекціонные матеріалы—карболовую кислоту и хлорную известь — всѣ жители Нижняго-Новгорода могутъ получать съ 26-го іюля по 12 к. за фунтъ, въ слѣдующихъ пунк.

тахъ: въ аптекахъ Кейзера, Ремлера и Гейнце и въ аптекарскомъ магазинѣ Ремлера. Негашеная известь, по 22 к. за пудъ, будетъ имѣться на Нижне-Базарной набережной, въ городскомъ складѣ, близъ Голицынскаго сторожеваго дома. Бѣднѣйшимъ жителямъ города всѣ дезинфекціонныя средства будутъ отпускаемы по ордерамъ городской управы, изъ поименованныхъ выше мѣстъ, равно какъ и изъ помѣщенія дезинфекціонной команды, безплатно.

Подписалъ: генералъ-маіоръ *Н. Барановъ.*

25-го іюля 1892 года.

* * *

Холера въ Нижнемъ-Новгородѣ мало-по-малу теряетъ свой острый характеръ, что свидѣтельствуетъ объ успѣшности борьбы съ нею. Успѣхъ этотъ достигнутъ не канцелярскими распоряженіями, а ревностнымъ и примѣрно добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ многотрудныхъ обязанностей лицами, призванными къ борьбѣ съ эпидеміей, въ чемъ я постоянно убѣждался при посѣщеніи всѣхъ пріемныхъ пунктовъ и больницъ.

Успѣхъ борьбы съ холерой на ярмарочной территоріи въ громадной своей части обязанъ еще и глубокоуважаемому предсѣдателю ярмарочнаго комитета, С. Т. Морозову. Онъ не только досталъ средства для борьбы этой, но и принялъ личное дѣятельное участіе въ организаціи противохолерныхъ мѣропріятій.

Благодаря ему и ближайшему сотруднику его члену того-же комитета, А. А. Титову, ярмарочное населеніе въ очень короткое время обезпечено: и прекрасно обставленными пріемными пунктами, и больницей, и кипяченой водой для питья; къ оздоровленію же ярмарочной мѣстности приняты обширныя мѣры.

Такая дѣятельность не нуждается въ похвалахъ и говоритъ сама за себя. Въ ней самой успѣхъ дѣла и связанная съ послѣднимъ признательность со стороны всѣхъ.

Врачебно-санитарная часть ярмарки поставлена настолько прекрасно, что трудно желать лучшаго. Честь такой поста-

новки дѣла всецѣло принадлежитъ докторамъ,—Н. Н. Смирнову и О. К. Гноинскому, которые, руководя дѣятельнымъ и добросовѣстнымъ сотрудничествомъ гг. врачей, студентовъ-медиковъ, санитаровъ и дезинфекторовъ, неусыпными заботами ведутъ дѣло вполнѣ правильнымъ путемъ.

Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ объявить честнымъ труженикамъ свою искреннюю глубокую благодарность.

Врачебно-санитарный и административный персоналъ на пріемныхъ пунктахъ ярмарочной территоріи, какъ я убѣдился во время многократныхъ посѣщеній этихъ пунктовъ, продолжаетъ относиться къ своимъ обязанностямъ такъ же прекрасно и съ тою-же самоотверженностью, какъ и прежде. Свою благодарность этимъ труженикамъ я уже изъявлялъ неоднократно и теперь мнѣ не остается ничего добавить къ ней, кромѣ повторенія той-же благодарности.

Искренно благодарю и. д. полицеймейстера, А. А. Знаменскаго, начальника пѣшей и конной полиціи на ярмаркѣ, Г. Ф. Гуракъ, и ихъ ближайшихъ помощниковъ за образцовый порядокъ на ярмаркѣ.

Нижнимъ чинамъ полиціи объявляю крѣпкое „спасибо“.

Объ отличномъ состояніи плавучаго госпиталя, больницъ на Шоссе и въ Кремлевскомъ дворцѣ я заявлялъ уже неоднократно. Ни я одинъ, а и всѣ посѣщавшіе эти лѣчебныя заведенія могли видѣть воочію то самоотверженное служеніе, которому отдали себя врачи, студенты-медики, фельдшера и санитары, какъ платные, такъ и добровольцы. Усердіе ихъ къ дѣлу, теплое и заботливое отношеніе къ больнымъ стяжали имъ уваженіе и любовь не только со стороны посторонннихъ посѣтителей больницъ, но со стороны самихъ больныхъ, о чемъ они заявляютъ каждый разъ, когда являются ко мнѣ по выздоровленіи.

Сознаніе исполненнаго долга, возвращеніе къ жизни почти безнадежно больныхъ холерою и теплыя молитвы выздоровѣвшихъ служатъ лучшею наградою всему больничному персоналу. Тѣмъ не менѣе, позволяю себѣ выразить и свою душевную благодарность всѣмъ этимъ самоотверженнымъ дѣятелямъ, въ особенности же: ея сіятельству княгинѣ Н. Б. Шаховской, С. С. Вешняковой, докторамъ—В. М. Рожанов-

скому, П. С. Ершову, С. Н. Чернышеву, коменданту дворцоваго госпиталя И. И. Жеребко и помощнику его, А. В. Сомову.

Подписалъ: генералъ-маіоръ *Н. Барановъ*.

26-го іюля, 1892 года.

* * *

Рядомъ съ приведеннымъ воззваніемъ помѣщенъ слѣдующій приказъ:

VIII. Въ городѣ Балахнѣ, 8 сего іюля, крестьянинъ Семеновскаго уѣзда, Хохломской волости, дер. Лебедева—ѲедоръТимоѳеевъ Лукьянычевъ, находясь въ гостинницѣ Каширцева, позволилъ себѣ говорить въ присутствіи многихъ лицъ многія безсмысленныя выдумки о порядкахъ въ холерныхъ госпиталяхъ и объ обращеніи тамъ съ больными.

Распространяя нелѣпости, могущія волновать простой народъ, Лукьянычевъ, повидимому, вѣритъ имъ. Поэтому, чтобы дать ему возможность убѣдиться въ противномъ — близко видѣть больныхъ холерою, видѣть уходъ за ними, видѣть, наконецъ, всѣ заботы по излеченію и соблюденіе христіанскаго обряда относительно умирающихъ,—поручаю полицейскому управленію доставить завтра Лукьянычева на пароходъ „Стрѣлу“ ко времени моей поѣздки въ холерный госпиталь, гдѣ я самъ водворю Лукьянычева: три дня состоять въ отдѣленіи поправляющихся, одинъ день въ отдѣленіи особенно трудныхъ больныхъ и одинъ день при покойницкой.

* * *

IX. Унтеръ-офицеромъ нижегородскаго отдѣленія московскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ, Долинымъ, составленъ протоколъ по обвиненію состоящихъ на земляныхъ работахъ у станціи Жолнино, Московско-Нижегородской желѣзной дороги, крестьянъ деревни Польца, Гороховецкаго уѣзда, Владимірской губерніи, Мартынова и Михаила Осипова Леонова въ распространеніи между рабочими ложныхъ слуховъ о томъ, что въ низовьяхъ Волги хоронятъ живыхъ людей. При составленіи протокола обвиняемые дозво-

лили себѣ подкупъ, предложивъ унтеръ-офицеру Долину по 1 рублю, которые и приложены къ протоколу.

Протоколъ съ обвиняемыми представленъ къ земскому начальнику 2-го участка Балахнинскаго уѣзда, по постановленію котораго они содержатся подъ арестомъ при квартирѣ пристава 1-го стана Балахнинскаго уѣзда, а протоколъ представленъ на мое распоряженіе:

„Крестьянъ Мартынова и Леонова наказать розгами по 100 ударовъ и отправить этапнымъ порядкомъ на родину.“

Подписалъ: генералъ-маіоръ *Н. Барановъ*.

19-го іюля, 1892 г.

* * *

X. Нѣсколькими лицами заявлено полиціи, что рядовой запаса, Павелъ Ивановъ Лысковъ, назначенный для безплатнаго производства дезинфекціи, требуетъ съ бѣдныхъ людей въ свою пользу плату. Кромѣ того, полиціей усмотрѣно, что Лысковъ постоянно пьянствуетъ и грубъ въ обращеніи съ публикой.

Предлагаю полиціи разслѣдовать сколько и отъ кого взялъ Лысковъ денегъ и все взятое возвратить полностію. Лыскова подвергнуть тюремному заключенію на три мѣсяца, а по истеченіи срока заключенія выслать этапнымъ порядкомъ на родину.

Подписалъ: губернаторъ, генералъ-маіоръ, *Н. Барановъ*.

№ 38, 28-го іюля, 1892 года.

* * *

XI. 28 іюля, рабочіе 1-го участка городскихъ общественныхъ работъ, крестьяне: Сергачевскаго уѣзда, села Кладбищъ, Андрей Павловъ Обрубовъ, Ардатовскаго уѣзда, села Бѣговатова, Григорій Ивановъ Сивковъ, Нижегородскаго уѣзда, села Гридина, Алексѣй Григорьевъ Зюзинъ, Васильскаго уѣзда, деревни Николаевки, Иванъ Васильевъ Тюбановъ, и Семеновскаго уѣзда, деревни Селищъ, Викторъ Ивановъ Савельевъ, въ свободное отъ работы и предназначенное для отдыха время, играли въ орлянку, при чемъ Обрубовъ

выигралъ у Савельева 13 рублей и съ каждаго изъ остальныхъ отъ 1 до 3 рублей.

Признаю необходимымъ Обрубова, какъ главнаго зачинщика игры, наказать 50 ударами розогъ, и затѣмъ его и остальныхъ рабочихъ, принимавшихъ въ игрѣ участіе, выслать этапнымъ порядкомъ на родину, какъ ясно доказавшихъ, что не нуждаются въ правительственной помощи.

Подписалъ: губернаторъ, генералъ-маіоръ, *Н. Барановъ.*
30-го іюля, 1892 года.

Нижегородская ярмарка до 1817 года, происходила въ уѣздномъ городкѣ Нижегородской губерніи, Макарьевѣ (въ 108 верстахъ отъ Нижняго), бывшей слободѣ Макарьева монастыря, на лѣвомъ берегу Волги, противъ села Лыскова.— Начало ея неизвѣстно; во время же царя Михаила Ѳедоровича изъ Москвы купцы уже ѣздили туда за закупкою мѣстныхъ и привозныхъ съ Востока товаровъ. Возобновленіе Авраміемъ, съ благословенія патріарха Филарета Никитича древняго монастыря преподобнаго Макарія способствовало избранію мѣста для ярмарки именно вблизи этого монастыря. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1648 году, повелѣно было Макарьевской ярмаркѣ торговать 5 дней безъ пошлины. Съ тѣхъ поръ правительство обращало на нее все больше и больше вниманія, такъ какъ значеніе этой ярмарки для русской торговли быстро возростало. Монастырь богатѣлъ отъ однихъ доходовъ съ кладовыхъ. Петръ Великій повелѣлъ брать съ ярмарки таможенныя пошлины, учредилъ браковщиковъ и предоставилъ монастырю право держать свою оберегательную стражу на ярмаркѣ въ 300 человѣкъ, и, наконецъ, отправилъ чиновниковъ для описанія ярмарки во всѣхъ отношеніяхъ. Петръ II, въ интересахъ другихъ ярмарокъ (Сѣвской и Кролевецкой), повелѣлъ начинать Макарьевскую ярмарку съ 29 іюня; но повелѣніе это не исполнялось,—сила Макарьевской ярмарки перетянула, и другимъ ярмаркамъ пришлось принаровиться къ ней.—Въ 1755 году правительство, въ виду громадныхъ выгодъ, получаемыхъ Макарьевскимъ монастыремъ отъ кладовыхъ и лавокъ, по-

велѣло выстроить на ярмаркѣ на казенный счетъ 830 балагановъ. При царѣ Павлѣ I предоставлено было казанскому гражданину Евреинову, за ежегодный взносъ въ казну 28,000 рублей, выстроить тамъ гостинный дворъ и пользоваться доходами съ него 20 лѣтъ; но при Александрѣ I эта монополія Евреинова была уничтожена и гостинный дворъ былъ выстроенъ къ 1809 году на счетъ казны, за 65 тысячъ рублей. Онъ состоялъ изъ 32 корпусовъ и 2,000 лавокъ. Въ 1816 году августа 18-го этотъ гостинный дворъ сгорѣлъ, и въ 1817 повелѣно было перевести ярмарку на новое мѣсто, въ Нижній-Новгородъ. 15-го іюня было приступлено къ постройкѣ тамъ на стрѣлкѣ (гдѣ Ока впадаетъ въ Волгу) каменнаго Гостиннаго двора. Строилъ его генералъ-лейтенантъ Ботанкуръ. Ярмарка тѣмъ временемъ, до 1821 года, бѣдствовала, и большею частью держалась стараго мѣста, у Макарья.—Въ 1821 постановлено, чтобъ она начиналась съ 15 іюля и оканчивалась 15 августа, но она тянется обыкновенно до 1 сентября; свозъ же товаровъ начинается съ 1 іюня.

C-6